

Тадеуш
Ружевич
Tadeusz Różewicz

*Мать
уходит*
Matka odchodzi

А л е т е й я

Тадеуш Ружевич

Мать уходит

«Алетейя»

1999

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)6

Ружевич Т.

Мать уходит / Т. Ружевич — «Алетейя», 1999

ISBN 978-5-906910-56-1

«Мать уходит» Тадеуша Ружевича (1921–2014) – это волнующий рассказ в прозе и стихах о семье поэта: его матери, отце, двух братьях, старший из которых, Януш, был расстрелян гестаповцами в 1944 г., когда сам Тадеуш принимал участие в партизанском движении. Входящий в книгу «Гливицкий дневник» рассказывает о последних месяцах жизни матери поэта, за которой сын трогательно ухаживал до самого конца. Тексты книги дополнены воспоминаниями его матери Стефании Ружевич (1898–1957) о ее деревенском детстве и о первых годах жизни Тадеуша, и воспоминаниями его младшего брата Станислава. Книга, вышедшая в 1999 году, завоевала главную литературную премию Польши «Ника» за 2000 год. На русском языке большинство материалов публикуется впервые.

УДК 821.162.1

ББК 84(4Пол)6

ISBN 978-5-906910-56-1

© Ружевич Т., 1999

© Алетейя, 1999

Содержание

Предисловие	8
Теперь	10
Обещания поэта	11
В середине жизни	12
Деревня моего детства	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тадеуш Ружевич

Мать уходит

Tadeusz Różewicz
Matka odchodzi

WROCŁAW 2016
Europejska Stolica Kultury

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры и национального наследия Республики Польша

Издано при поддержке интернет-журнала «Дом польский»

Тадеуш Ружевиц

Фотографии предоставлены из архива семьи Ружевиц.

Предисловие

С давних пор в польской поэзии существовал жанр «тренов» (tren – причитание, траурный плач). Начало ему положил великий польский поэт эпохи Возрождения Ян Кохановский, написавший на смерть своей юной дочурки Уршули поэму «Трены» (1580), состоящую из девятнадцати надгробных плачей. В наше время подобный цикл «Анка» на смерть своей любимой дочери Анны написал Владислав Броневский (1956). Эта традиция жива до сих пор, Недавно молодая поэтесса Анна Аугустыняк создала цикл лирических стихотворений в прозе «Я любила его, когда мать уходила», посвященный умершей матери. Этот цикл нашел уже отклик в сердцах читателей многих стран и теперь ждет своего перевода на русский язык.

Книга, лежащая перед Вами, уважаемые Читатели, уникальна по своей форме и содержанию. Ее написал замечательный польский поэт Тадеуш Ружевиц (1921–2014) в честь своей умершей матери Стефании и других умерших членов его семьи. Так что это тоже своеобразный трен, в котором собраны стихи и отрывки прозаических произведений, посвященных матери, отцу и старшему брату поэта Янушу, погибшему от рук гестаповцев в годы Второй мировой войны.

Эта книга, получившая в Польше высшую литературную премию «Ника» за 2000 год, потрясла всю страну. Сейчас она входит в круг обязательного чтения для старших школьников. Вот что пишет одна из читательниц в своем школьном сочинении на тему этой книги¹:

«Ружевиц написал трен своей матери, своему детству и своей юности, в которых Мать занимала такое важное место.

“Мать уходит” – это сто тридцать четыре страницы любви к Матери. Стихи, обращенные к Ней, в которых от Нее всегда исходило добро, но также и страдание, потому что судьба в годы войны лишила ее радости жизни, лишила ее старшего сына Януша.

Стихотворение “Женщина в черном ступает по розам”, входящее в этот сборник, заканчивается словами:

... Вот пятно света
пало на кремнистую дорогу
на дорогу из железных крестов
на дорогу из черных мраморных плит
из которых выступают фигурки
беленьких пухлых детей.

С неба свешивается премилая
гроздь умерших ангелочков.

Себя Ружевиц тоже, вероятно, относит к “умершим ангелочкам”, который оставил свою Мать, уйдя от нее в лес (Тадеуш участвовал в партизанском движении в 1944–45 гг.), так же как и его старший брат Януш, погибший во время войны. Война, ее жестокость убили и его, хотя он вроде бы и уцелел. Свой запутанный поэтический мир, наполненный неудачными, пустыми и лишеными смысла словами, он противопоставляет простому и прекрасному миру Матери.

В этом сборнике Ружевиц публикует свой “Гливицкий дневник”, содержащий записи о последних днях жизни Матери. Он описывает собственную низость, потому что мечтает о каникулах, об отдыхе в лесу, в то время как неподалеку умирает Мать и нуждается в его присутствии, ибо «не может на него наглядеться». Ружевиц обвиняет себя в низости – когда-то

---

¹ <http://www.biblionetka.pl/art.aspx?id=101406>

он обещал отвезти Мать к морю и в горы, но не выполнил своего обещания. Его Мать почти ничего не видела в своей жизни.

Ружевиц описывает в этой книге свое детство и Мать – такую, какой он ее запомнил. Он также предоставляет слово своим братьям, Янушу и Станиславу, и их размышлениям. В книге помещены фотографии членов его семьи... Своей же Матери он позволяет рассказать о ее молодости, а также о том моменте, когда он сам появился на свет – 9 октября 1921 года.

“Мать уходит” – это сто тридцать четыре страницы волнения».

Теперь эти страницы передаются в Ваши руки, уважаемые Читатели, и я надеюсь, что знакомство с ними принесет Вам такую же радость и волнение, как и юной читательнице из Польши. Книги, подобные этой, нужны каждому, потому что каждому из нас предстоит пройти тот же путь любви и страданий.

Анатолій Нехай

Теперь

Теперь, когда я пишу эти слова, взгляд матери покоится на мне. Этот взгляд, добрый и внимательный, молчаливо спрашивает меня: «чем ты расстроен, сынок...?» Отвечаю с улыбкой: «ничего... все в порядке, не беспокойся, мама», «ну-ка, скажи, – продолжает мать – что тебя мучает?» Я отворачиваюсь, гляжу в окно...

Всевидящие глаза матери смотрят на тебя при рождении, смотрят всю жизнь и смотрят после смерти, «с того света». Даже если сын превратится в машину для убийств или хищного зверя, глаза матери продолжают смотреть на него с любовью... продолжают.

Если мать отведет взгляд от своего ребенка, он заблудится в пути и будет обречен на гибель в мире, лишенном любви и тепла.

Завтра День Матери. День Матери... Я не помню, был ли во времена моего детства такой официальный праздник... В моем детстве каждый день был днем матери. Каждое утро было утром матери. И полдень, и вечер, и ночь.

Знаешь, мама, только тебе я могу сказать это на старости лет, могу сказать, потому что я уже старше тебя... я не посмел сказать тебе этого при жизни... я поэт. Я боялся этого слова, никогда его не говорил отцу... и не знал, допустимо ли говорить что-либо подобное.

Я входил в мир поэзии, будто в свет, а теперь готовлюсь к выходу из него, в темноту... я прошел пешком страну поэзии, видел ее глазами рыбы крота птицы ребенка мужчины и старца, поэтому, так трудно произнести эти два слова: «я поэт», ищешь других слов, чтобы сообщить об этом «факте» миру и матери. Конечно же, мать знает. Мать знает. О том, чтобы сказать что-нибудь подобное отцу мне и в голову не приходило... никогда бы не сказал ему «Папа... отец... я поэт»... я даже не знаю, обратил бы он внимание на такие слова... отец был бы далеко... спросил бы меня (читая газету, обедая, одеваясь, чистя ботинки...) «что ты там (Тадик) говоришь?»... ведь это снова была бы «глупость» или «о чем ты там опять?»... я же не смог бы повторить еще раз, более громко: «Папа... отец... я поэт»... Отец, возможно, оторвал бы взгляд от тарелки, от газеты... смотрит удивленно а может и не смотрит а только кивает головой и говорит «ладно... ладно» или ничего не говорит. Я написал стихотворение «Отец» (в 1954 году) «Идет сквозь мое сердце / старый отец...» и не знаю, прочел ли он его (никогда об этом не сказал ни слова... впрочем я этого стихотворение тоже ему не читал... сейчас 1999 год... и я говорю так тихо, что родители не могут услышать моих слов: «мама, папа, я поэт»... «знаю, сынок», скажет мать, «я всегда это знала», а отец промолвит: «говори ясней, я ничего не слышу»...

Обещания поэта

Много лет я обещал маме, что сделаю три вещи: повезу ее в Краков, покажу Закопане и горы и поеду с мамой на море. Мама никогда так и не увидела Кракова. Ни Кракова не видела и ни гор (с Морским Оком посредине), ни моря. Я не выполнил обещаний... Со смерти мамы прошло уже почти полвека... (впрочем, календарь и часы интересуют меня все меньше). Прочему же я не отвез ее в Краков и не показал Суkenнице, Марицкий костел, Вавель... Вислу.

Вот так! Сын жил в Кракове... молодой «многообещающий» поэт... и этот самый поэт, который столько стихов написал для матери и столько для всех матерей... не отвез маму в Краков ни в 1947, ни в 1949 году... Она никогда не напоминала, не упрекала меня.

Мама не видела Варшавы. Мама никогда не летала самолетом, не плыла на корабле. Я никогда не бывал с мамой в кондитерской, в ресторане, в кафе, в театре, опере... Ни на одном концерте... я был поэтом... Написал поэму «Рассказ о старых женщинах», написал стихотворение «Старая крестьянка идет берегом моря»... Не отвез я маму к морю... не уселся с ней на берегу, не принес ракушки или кусочка янтаря. Ничего... и она никогда не увидит моря... и я никогда не увижу ее Лица, и глаз, и улыбки когда она будет смотреть на море... поэт. Разве поэт – это человек, который пишет с сухими глазами поминальные песни, потому что ему нужно ясно видеть их форму? Разве он должен все сердце вложить в совершенство формы...? Поэт, человек без сердца? А теперь он должен этот плач исполнять публично на книжной ярмарке, на отпущении литературных грехов, на литературной бирже. И я не могу утешиться даже тем, что мама «на том свете» идет по Плантам через Краков, направляясь к Вавелю... Или же в «небе» имеется море, над которым сидят наши матери в бедных салопах, плащах, старых туфлях и шляпках?... но я и теперь пишу – с сухими глазами – и «правлю» свои бедные поминальные песни...

В середине жизни

Прошло шестьдесят лет с начала Второй мировой войны. Мне 78 лет. Я поэт. В начале пути я не верил в это чудо... что когда-нибудь стану поэтом, посреди ночи меня станут будить ночные страхи и привидения меня спасала одна мысль желание «быть поэтом» я погону прочь привидения темноту смерть... Я войду в свет поэзии, музыку поэзии, её Тишину.

Теперь, когда я пишу эти слова, спокойный внимательный взгляд матери покоится на мне. Она глядит на меня «с того света» с той стороны в которую я не верю. На свете снова идет война. Одна из сотни войн которые ведутся непрерывно с момента окончания Второй мировой войны и по сегодняшний день...

Мой мир, который я пытался строить в течение полувека, валится под тяжестью развалин домов больниц и храмов умирают человек и бог, умирают человек и надежда, человек и любовь.

Когда-то давно, в 1955 году, я написал стихотворение «В середине жизни...»

После конца света
после смерти
я оказался в середине жизни
создавал себя
строил жизнь
людей животных и пейзажи
Это стол говорил я
это стол
на столе лежат хлеб и нож
нож служит для резки хлеба
хлебом кормят людей
человека нужно любить
повторял я ночью и днем
на вопрос что нужно любить
отвечал человека

Поэт! он состарился, стоит у «порога смерти» и еще не понял того, что нож служит для отрезания голов, для отрезания носов и ушей, для чего служит нож? Для отрезания голов... где-то там, далеко? близко? И для чего еще служит нож? Для отрезания языков которые говорят на чужом языке и для вспарывания животов беременным женщинам для отрезания грудей кормящим для отсечения гениталий для выкалывания глаз... и что там еще можно увидеть по телевизору? Что прочитать в газетах? Что услышать по радио?

Для чего служит нож
служит для отрезания вражеских голов
служит для отрезания голов
«женщин стариков детей»
(Так об этом пишут в газетах
от века...)

Для чего служит нож служит для отрезания вражеских голов служит для отрезания голов «женщин стариков детей»

(Так об этом пишут в газетах от века...)

Теперь, когда я пишу эти слова, спокойный взгляд матери покоится на моей руке на этих искалеченных лишенных зрения словах. Глаза наших матерей проникающие в сердца и мысли это наша совесть они судят нас и любят полные любви и страха глаза матери. Мать глядит на сына когда он делает первые шажки и после когда ищет свою дорогу глядят когда сын уходит, охватывают взглядом всю жизнь и смерть сына.

Может, эти мои слова попадут к матерям, которые бросили своих детей на помойке или к детям, которые забыли о своих родителях в больницах и приютах.

Я помню, что сказала мать нам, своим детям, кажется, единственный раз... мне было пять лет... только раз в жизни сказала нам: «я вас брошу... вы плохие дети... я уйду и никогда не вернусь»... трое мальцов были плохими детьми... и я помнил всю жизнь страх и темное отчаяние, в которое погрузилась наша троица...

Я помню, как сжалось мое сердце (именно так «сжалось мое сердце»), я оказался в пустыне и тьме... только раз мать так сказала и я помню доньше свое отчаяние и плач... но мама не ушла она была с нами и будет...

Теперь, когда я пишу эти слова... испытующие глаза матери глядят на меня.

Я поднимаю голову, открываю глаза... я не могу найти дорогу, падаю, поднимаюсь, слова наполненные ненавистью брызжут смертельным ядом разрывая на куски любовь веру и надежду... я открываю уста чтобы что-то сказать «человека нужно любить» не поляка немца серба албанца итальянца элина еврея... нужно любить человека... белого черного красного желтого.

Я знаю что эти мои бедные поминальные песни лишены «хорошего вкуса»... и знаю что изо всего на свете останется... что останется?!

Великий гениальный смешной Норвид сказал:

Из всех вещей на свете лишь две остаться могут, поэзия и доброта... все прочее – Ничто...

Великий Дон Кихот! Осталось Ничто. И если мы, люди, не возьмемся за ум и не освоим это растущее Ничто, то... что тогда?! Скажи, не бойся! Что случится... мы устроим себе на земле такое пекло, что и Люцифер покажется нам ангелом, правда павшим, но не лишенным души, способным на высокомерие, однако тоскующим по утраченному небу, полным меланхолии и грусти... политика превратится в кич, любовь в порнографию, музыка в шум, спорт в проституцию, религия в науку, наука в веру.

Деревня моего детства Стефания Ружевиц

Шинкелев – это деревня в Велюньском повете Калишской губернии.

Времена царизма. В деревне два имения: шляхетское и генеральское. Сама деревня большая. Хотя она и не так бедна, как окрестные деревушки, нужды здесь хватает. Дороги здесь ужасные. Зимой, когда нет мороза, башмаки буквально тонут в грязи, потому что нога, вытягиваемая из грязи, не может удержать башмак. Башмаки на деревянной подошве. Сапоги мало у кого имеются, это – роскошь. А у кого они есть, то обувает их по большим праздникам. Школы нет, в костел люди ходят за девять километров.

Я приехала в Шинкелев в возрасте пяти лет. Мне здесь ужасно нравилось. Мне было только пять, и я не понимала, сколько человеческой нужды скрывает прекрасная природа даже в такой зажиточной деревне. Приблизительно с десяти лет я стала наблюдать, как живет народ. Из этих времен больше всего помню 1905 год. Приезжали люди из городов и рассказывали, что царя уже не должно быть, что в Лодзи сделали куклу, похожую на царя. И показывали ее, чтобы царя унижить. Или еще слышала, что в России сварили живьем какого-то повара. Это случилось в армии, и потому надеялись, что, может, уже не будет царя, и людей не будут вывозить в Сибирь.

Деревня была совсем захолустная. Государство вовсе не заботилось о том, чтобы улучшить жизнь людям, взять хотя бы то, что одна маленькая школа предназначалась на несколько окрестных деревень. Потому дети в школу почти не ходили, зимой было много снега, через который не пробраться, а весной или осенью родители опять же не могли допустить, чтобы дети бездельничали, и требовали, чтобы один ребенок смотрел за другим. Я сама видела, как трехлетним или четырехлетним детям приходилось в отсутствие матери кормить и смотреть за годовалыми или совсем маленькими детьми. Детская смертность была высокой. Выживали самые сильные, а слабых некому было лечить и нечем было кормить.

Помню, как-то я зашла к довольно зажиточным хозяевам. Мать была в поле. Ребенок, оставшийся дома, лежал в колыбели на соломе, наверное, солома перед этим была накрыта тряпкой, но ребенок ножками сбросил эту тряпку. Мерзко было смотреть, ребенок сходил под себя и начал есть кал. Гигиена была ужасной. Вечером дети ложились спать, не помывшись. Были усталыми, ведь ребенок пять или шесть лет уже пас гусей. Дети не высыпались. Я часто видела, как таких малышей вытаскивали из постели пасти коров или гусей в четыре или в пять утра, они засыпали на какой-нибудь меже, а коровы шли себе тогда, куда хотели. Боже, как жалко было детей, у которых не раз коровы или гуси убегали с поля, а бедный пастушок боялся, чтобы скотина не наделала вреда! Бежали за ними, гнались, но не поспевали, а дома бывали биты за то, что не усмотрели за скотиной.

Питались дети плохо. Очень часто не бывало хлеба. Тогда мать месила лепешку из оставшейся картошки и небольшого количества муки, пекла ее на плите или на углях. Большой был праздник, когда ребенок получал кусок булки или конфету. Конфета была наихудшего сорта. В ней был краситель из крахмала, а вместо сахара – сахарин.

Я могла наблюдать, как ужасно живут малоземельные. Те, кто не видел их вблизи, не может этому поверить. У такого малоземельного крестьянина было два-три морга² земли, часто сплошной песок (были даже такие, у кого был всего один или два морга земли), а детей много. Часто еще была бабушка на пожизненном содержании. Помню, как однажды я была в такой избе. Пола не было, только утоптанная глина, был земляной, в одном помещении размещалась

---

² Морг – старая единица измерения площади в Польше и Литве, равная приблизительно 0,56 гектара.

и семья и кролики, чтобы к празднику было мясо. Окошко было маленькое, забитое гвоздями, и совсем не открывалось. У состоятельных крестьян окна были совсем другие, с четырьмя стеклами, а крыши – крытые соломой.

Малоземельные не могли содержать рабочую лошадь, потому им приходилось работать у более богатых, чтобы те им за это помогли вывезти навоз или свезти немного зерна. Богатые всегда вначале вывозили свое зерно, а у бедных оно намокало. Осенью богатые пахали и сеяли, а у бедняка, который ходил на так называемые отработки, зерно еще оставалось в поле. Когда уже начинались заморозки, я не однажды видела, как малоземельные сносят на спине свой урожай в какой-нибудь полуразвалившийся сарай. А делали это главным образом женщины, потому что мужчины уезжали в Германию на заработки, чтобы на заработанные деньги купить немного обуви или одежды. Даже состоятельные хозяева вынуждены были посылать в Германию детей. Никто не был в состоянии одеться на доходы от своего хозяйства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.